

1990 — 15 сент.

Автопортрет

Юрий СОЛОМИН:

«Я НЕ БРОСАЮ ДРУЗЕЙ»

— Юрий Мефодьевич! Напомним читателям, что родом вы из Читы, что, окончив там школу в начале 50-х годов, приехали в Москву поступать в Театральное училище имени Щепкина при Малом театре. Имела ли ваша семья отношение к театру?

— Мои родители — не актеры. Оба они в свое время поступили в Ленинградскую консерваторию, отец — по классу скрипки, мама — на вокальное отделение. Но потом мама по состоянию здоровья не смогла учиться, а отец не захотел без нее оставаться в Ленинграде, и оба они вернулись в Читу. Работали в художественной самодеятельности, создали хор, были большими энтузиастами, ездили по области, искали таланты. Некоторые из их учеников стали профессиональными певцами, работают в театрах. Случается, в каком-либо городе после спектакля или встречи со зрителями ко мне подходят бывшие ученики моих родителей, начинают вспоминать о том времени, показывают мне фотографии...

— А вы пели в хоре родителей?

— Нет, мне тогда казалось это неловко, стеснительно... Но, конечно, музыкальная атмосфера дома, энтузиазм родителей не могли не влиять на меня. Я много занимался в художественной самодеятельности, посещал, кажется, все кружки в школе и в Доме пионеров — и хоровой, и драматический, и танцевальный, и даже кукольный, и все было очень увлекательно!

Мне повезло и на школьных учителей. Может быть, везло на них всему моему поколению, потому что учителя наши от своих родителей и бабушек еще несли в себе общечеловеческие идеи и по возможности старались передать их нам, порой и подсознательно — своим обликом, манерой держаться, своим поведением... Я учился в 5-й мужской школе и помню многих своих учителей, в том числе и учительницу первых классов Наталью Павловну Большакову. Интересный человек, талантливый психолог. Помню, в первом классе я вдруг на уроке собрал свою сумочку (ее мне сшила бабушка), вложил в нее букварь и — к двери. «Ты куда, Юра?!» — спрашивает учительница. «Домой», — отвечаю я. «Хорошо. Иди...» И почему-то предоставленная мне свобода подействовала на меня самым лучшим образом. Больше я уже никогда не уходил с уроков. Учительница дала мне возможность без всякого насилия решить этот вопрос... самостоятельно!

Еще я многим обязан нашему учителю физики, бывшему фронтовику Роману Васильевичу Мочалову. Он был не только хорошим физиком, но и увлеченный жизнью и музыкой человек, с каким-то особым художественным воображением. Он создал из нас, мальчишек, хор, сам играл на трофейном аккордеоне, и мы еще строили декорации, красили, налаживали иллюминацию... Помню, как я запевал в нашем хоре «Как у Волги, у реки...», а позади меня возвышались плотины, сверкали огни — все это потрясало воображение...

— А были у вас так называемые культпоходы в театр?

— Нет, но наша классная руководительница Елизавета Ивановна Гуванова часто заводила разговоры о спектаклях облдрамтеатра, и мы, естественно, чтобы принимать в них участие, сами ходили на спектакли...

— Ваши школьные годы пришлись на войну...

— Да, жить было трудновато. Мы выступали в госпиталях, читали стихи, пели, танцевали, как могли старались развлечь раненых. Кстати, мой первый гонорар заработан в госпитале — раненый поделился со мной своим пайком... Плохо было с питанием, с одеждой, но так жили все тогда, это было нашим бытом — шла война, потом тяжелые послевоенные годы, разруха...

— Но это были еще и годы репрессий...

— Вы знаете, мне бы не хотелось говорить об этом сейчас. Папа, мама, бабушка скрывали от нас эти ужасы жизни, считали, что такое не для нашего детского сознания...

— Вы полагаете, они поступали правильно?

— Вы знаете, я благодарен им за бережное отношение ко мне. В детстве у человека должно быть больше радостей. Оно ведь остается с нами навсегда. И именно то детское ощущение полноты жизни помогает нам потом в несчастливые времена, вселяет в нас веру в жизнь, в свои силы...

— Итак, а семнадцать лет вы поступили в училище имени Щепкина в класс Пашенной... Возникает вопрос: почему при таком-то конкурсе именно вас, провинциала, выбрала Вера Николаевна?

— Как педагог училища имени Щепкина, я сам, набирая свой курс, часто отдаю предпочтение, как мы теперь говорим, абитуриентам с периферии. Тут дело вот в чем. Столичные ребята, конечно, куда более осведомлены, образованны, уверены, они знают, кто такой Питер Брук, и он им даже не нравится... А есть такие провинциалы — с горящими глазами, полные энтузиазма и жажды знаний... Через два года такой студент догонит столичных ребят, даже перегонит их, но в том, какой он получится, будет и мое участие. А есть ребята, пришедшие с афганской войны. В

какой-то степени их жизненный опыт больше моего, и я, как педагог и как человек, должен признать это и считаться с этим...

Вере Николаевне Пашенной я обязан очень многим, собственно, профессией. Кроме нее, я всегда вспоминаю и нашего педагога, режиссера Малого театра Михаила Николаевича Гладкова, бессребреника, комната у него была в студенческом общежитии, но он был подвижником профессии. Ирина Битольдовна Полонская старалась поддерживать нас материально, подкармливать, приглашала к себе. Однако эти визиты не ограничивались обедами, это были уроки большой культуры.

— Ваша творческая судьба в театре складывалась благополучно?

— Теперь многим так кажется. Однако после Хлестакова пять лет у меня не было других ролей в театре.

— В чем же причина? Вы так успешно начали...

— Видите ли, я всегда говорил, что думал. В то время это делать не полагалось...

— Как же вы продержались пять лет? И какой человеческий опыт вынесли из этих испытаний?

— Я, конечно, старался найти работу где только можно — в кино, на телевидении, на радио. Противостоять невзгодам и скверно складывающимся обстоятельствам можно только терпением и внутренней выдержкой. Этому учит людей мой любимый Чехов, советуют это и многие другие великие люди. Мне просто довелось проверить эти советы на своем опыте. Еще необходима вера — вера в себя, в свою судьбу, в высший суд, в справедливость, в Бога, что во что верит, но без веры нельзя. И еще я хочу напомнить ту истину, что в борьбе с жизненными невзгодами нет людей проигравших, есть только сдавшиеся.

— Вы счастливы, что судьба связала вас именно с Малым театром?

— Безусловно... Почему-то теперь принято считать, что Малый театр был любимым детищем Системы и, дескать, пользовался поблажками, старался угождать этой Системе, ставил любимых ее авторов. Но это не так. Коллектив театра в творчестве своем сопротивлялся как мог. У нас всегда была классика, на сцене мы давали возможность работать гонимым Системой режиссерам, среди них был Варпаховский... Анатолий Эфрос пытался поставить у нас два спектакля, но их не выпустили. То есть коллектив пытался вырваться из круга заданных тем. Есть у нас актеры, которые были репрессированы, и театр делал все для того, чтобы они вернулись в коллектив, а это было очень и очень не просто. Я смею заверить, что в труппе театра работают не только талантливые, но и весьма достойные люди.

— За время нашей беседы, растянувшейся на недели, вы успели стать министром культуры РСФСР. У министров обычно спрашивают о программе действий...

— Мне не очень нравится слово «программа», оно носит некий бюрократический оттенок. И потом, можно ли обсуждать программу в экстремальной ситуации, скажем, на тонущем корабле?! Культура России гибнет, и первое, с чего необходимо начать, — это спасение того, что уцелело. У каждого народа России еще что-то сохранилось от национальной культуры, памятников истории, традиций, фольклора, обрядов, костюмов...

Какая тут программа?! Конкретные ситуации и проблемы нужно будет решать сразу же, без проволочек! Необходимо привлечь к этому как можно больше людей, ибо спасение культуры — это спасение наций, их человеческого достоинства, их будущего. Также нужно спасать и души людей, вернуть им нравственные устои, приобщить их заново к общей культуре. Без нее человек не может состояться в своей профессии, не сможет прожить на земле истинно человеческую жизнь. Без культуры нет прогресса в обществе, нет достижений в экономике и науке, да и в искусстве тоже. Всем этим я хочу сказать, что вполне понимаю всю ответственность задачи, которую отныне я беру на себя...

— А что же Малый театр?

— Надеюсь, из того, что я говорил о Малом, нельзя даже предположить, что я оставлю его. Я не бросаю друзей...

— И вы будете играть в спектаклях?

— И я буду играть в спектаклях. Без этого мне просто не жить.

Беседу вела
Галина МАРЧЕНКО.
Фото А. ФОМИНА.